

ОЛЬГА СВЕРДЛОВА

ТРУДНЫЕ СУДЬБЫ ТРУДНЫХ ДЕТЕЙ

“Я не хочу...”

Хотя генетика у нас давно реабилитирована, мы все же продолжаем не верить в предрасположенность какой-то части детей к антисоциальному поведению, особенно когда это касается нашего ребенка. И тем не менее есть группа риска, и родители должны знать, относится ли их ребенок к этой группе или нет. В противном случае нас ждут большие разочарования и вопросы, на которые невозможно найти ответа. Потому что в группу риска попадают дети, которыми не занимаются родители, отягощенные патологической наследственностью, недолеченными болезнями, жертвы наших ссор, конфликтов с родными и близкими. Они порой и вследствие нашего легкомыслия во время беременности и выбора спутника жизни, мягко говоря, не отвечающего нормам элементарной порядочности.

А мы продолжаем по инерции возмущаться, почему, к примеру: “Я должна делать с ним уроки, когда соседний Вася делает все сам”, или “Почему я должна подбирать ему друзей и следить за тем, с кем он общается во дворе и на улице, а его двоюродный брат учится отлично, в свободное время моделирует или рисует, но телевизор не включает, несмотря на то, что целый день дома один, мать на работе, а отца нет?” И почему на нашу просьбу выполнить что-то один отвечает полной готовностью, а другой тянет: “Я не хочу”? За этим внешне капризно-инфантильным “Я не хочу” могут скрываться самые разные причины.

* * *

Каждый вечер был для них истинным испытанием: придет... не придет.

Бабка с дедом в ужасе ожидали стука в окно. Сегодняшний вечер вроде бы выдался спокойным. И вдруг в напряженной тишине, в ночи почти пустого поселка послышались быстрые шаги: “Сбежал, опять сбежал!”

Любимый, единственный внук каждый день сбегал — и, вы не поверите откуда, возможно ли такое, — из казармы. Как это ему удавалось, один Бог знает. Но упорно бежал — и не домой, а в дачный поселок, где жили бабка с дедом. Проходил пешком 15 километров, шел в темноте через лес, поле в солдатской форме, когда каждый человек в погонах мог его остановить, проверить документы. Но его ничто не останавливало — ни страх, что может

задержать патруль, ни соображения безопасности и бесполезности подобного броска. Ею неудержимо влекло на волю, свободу, вопреки здравому смыслу и инстинкту самосохранения.

Почему убегал, ничего толком объяснить не мог. Только повторял: “Я не хочу в казарму...” Знал, что далеко не уйдет. Но уходил. А наутро приезжал офицер, забирал парня обратно и говорил, что больше так продолжаться не может, что ему грозит штрафбат. Парень клялся, что больше этого не повторится, а через день все повторялось вновь.

Офицер части, где служил юноша, был когда-то учеником его матери. А мать была в этом маленьком провинциальном городке заслуженной учительницей. Потому парню эти побеги до поры сходили с рук. Но все понимали, что надо что-то делать.

Дед, его звали сокращенно Петрович, тот самый, который может блоху подковать, не знавший в свои 70 лет, что такое отдых, безделье, и любивший внука беззаветно, считал, как и вся семья, что его может исправить только армия, что нужна железная дисциплина, строгость и никаких поблажек. Что причина подобного поведения в том, что парень привык получать все, не затрачивая труда, не проявляя какого-то волевого усилия.

Дед видел в поведении внука следы избалованности, изнеженности, покаяния, а мать разрывалась между новым мужем и сыном, ощущая подспудно свою вину, не видя выхода из сложившейся ситуации, умоляла офицера в очередной раз простить сына. И никто не догадывался, что неодолимое стремление к побегам, бродяжничеству есть следствие болезни, последствие ушиба головы в раннем детстве. Это расстройство на медицинском языке называется дромомания (от греческих слов: дромос – дорога, путь, мания – страстное влечение). Обычно это последствие ушибов головы, сотрясений мозга, полученных в раннем или подростковом возрасте.

Потому и учился из-под палки, и в институт поступить не смог, и раздражался по любому поводу, и не мог переносить духоту и жару.

Помогать надо было, а не испытывать на прочность.

Склонность к побегам, бродяжничеству бывает различного свойства и в каких-то случаях требует вмешательства психиатра и специального лечения. При организации правильного образа жизни и соответствующем лечении это расстройство проходит порой бесследно. Но наша психологическая и медицинская безграмотность часто приводит к трагическим последствиям.

Совсем еще дети, даже не подростки, бегут из теплого дома, бродят, скитаются по чердакам и подвалам, нюхают клей, воруют, готовы убивать и насиловать в поисках приключений, легкой наживы, удовлетворения сиюминутного желания – “Я хочу”.

Нет страха, что замерзнешь, что тебя убьют, что умрешь, заболеешь чем-то неизлечимым – потому как “сон разума”, по выражению Жан-Жака Руссо, не дает разыгаться воображению, и все происходит только на уровне сиюминутных желаний.

Уходят от ответственности, дисциплины, подчинения, от соблюдения норм морали, в мир, где господствует насилие и жестокость. И нет страха за себя и своих близких, нет раздумий о будущем, о своем месте в жизни, нет никаких интересов, кроме одного – любым путем достать деньги, которые обеспечат сегодняшний день.

Сон разума в самом прямом смысле слова. Разум спит, чувства спят, только потребности на уровне животных инстинктов.

Добру и злу внимаем равнодушно?

И все-таки... Разумеется, существует врожденное предрасположение к добру и злу. Более того, есть на свете ангелы и монстры. Святые и злодеи.

И никуда от этого не деться. И невозможно объяснить их рождение и существование, когда мы пытаемся найти лазейку, ответ на мучающий нас вопрос “почему”.

...Передо мной стоит лицо молодого человека Дмитрия Черкасского, осужденного на пожизненное заключение, которого нам показали по НТВ в передаче “Криминальная хроника”. Красивое, умное, несчастное лицо подонка, который в погоне за 40 тыс. долларов убил семью из трех человек. Это произошло в квартире, где он снимал комнату, за которую у него хозяева даже

не брали денег, так как ему часто нечем было платить. Это были добрые, милые, интеллигентные люди, с которыми он прожил как в одной семье больше года. Ведущий передачи, анализируя этот случай, сказал, что, очевидно, у него была завышенная самооценка, и он пытался возместить то, что ему недодало общество. А сам он ни слова не сказал, что сожалеет о погубленных жизнях, в общем-то, своих друзей.

Ни капли раскаяния. Хладнокровный и жестокий убийца. Жалел об одном: “Если бы я был знаком с нашей пенитенциарной системой, знал, как содержатся преступники, какая жизнь их ожидает, то никогда бы не совершил такое”, – сказал он.

Но ведь у этого злодея были мать и отец, которые, наверное, любили его и считали, что растят нормального человека. Не debil, не пьяница, не наркоман или бомж, учился даже в медицинском институте. Только не окончил, так как решил, что много врачей не заработаешь.

Человек, для которого деньги дороже человеческой жизни. Деньги он мог присвоить, а жизни – чужие.

Конечно, время сегодня диктует новые ценности, сознание молодого человека, подростка, ребенка отравлено мыслью, что жизнь – это сплошное удовольствие, что надо брать от жизни все. Массовая культура одурманивает потребителя. Уже давно сложилось представление о массовой культуре как о чудовище, пожирающем в человеке все человеческое. Яд насилия с экрана телевидения вливается в умы молодого поколения с раннего детства.

Правда, мы знакомы и с Раскольниковым, который, вообразив, что он сверхчеловек, попытался решить проблему передела собственности по справедливости, как он ее себе представлял. Его совесть замучила. Но убийство есть убийство, кто бы это ни был.

У нас существует стереотип, доставшийся нам, возможно, еще от теории Ч. Ломброзо, что убийца имеет определенный внешний вид, и его судьба написана у него на лице. Это особого типа человек, предрасположенный к совершению преступлений в силу определенных биологических признаков.

Но тот же Достоевский нам доказывал, что и на каторге среди убийц есть хорошие люди. Очевидно, чем закон необъяснимей, тем убедительней.

Наверное, педагоги и психологи меня обвинят в безнравственном экспериментировании, своего рода провокации, но я расскажу все-таки, какой вопрос задала в моем присутствии соседка двум 17-летним подросткам, которые копали колодец на дачном участке. Ребята присели отдохнуть, и мы разговорились. Оказалось, один мальчик из многодетной семьи, в которой 13 детей от 4 лет до 22, учится на сварщика в ПТУ. Другой перешел в 11 класс, член юношеской футбольной команды Подмосковья. Увидев у меня на столе томик Достоевского, школьник иронично бросил: “А... тварь дрожащая?” В его голосе послышалось столько презрения и превосходства, что мне стало как-то не по себе. И тут соседка, заскочившая, чтобы узнать, сколько стоит работа, услышав слова парня, задала ему отнюдь не педагогический вопрос. “А смогли бы вы убить старушку, – спросила она у ребят, – у которой было бы под подушкой несколько миллионов, если бы знали, что вас никогда не поймут? Зато денег хватит, чтобы обеспечить себя и всех близких? И работать в каникулы не надо и “Бери от жизни все” – станет не рекламой, а реальностью?”

Ребята задумались и предложили свой вариант: “Зачем самому, можно наводку сделать. Нанять киллера и разделить с ним эти деньги. Ну, ему 10%, а себе все остальное”, – сказал парень из многодетной семьи. Что тут скажешь? Конечно, эти слова нельзя воспринимать буквально. И от слов до дела – совсем не один шаг, но дух времени, атмосфера сегодняшней жизни, которая формирует ценности современного подростка, дает себя знать.

Я расскажу вам еще одну историю, совсем уж детективную, со всеми атрибутами, присущими этому жанру. Только это было не в кино, не в литературе, а в жизни. И так как это случилось где-то в 85 году прошлого столетия, то это действительно напоминало литературу, а не нашу сегодняшнюю жизнь, которая по остроте сюжета может поспорить с самыми фантастическими детективами.

Довелось мне сидеть в одной комнате с убийцей. Убивают сейчас так часто на улице, в подъезде среди белого дня и в самом центре столицы, что это

уже не вызывает ни ужаса, ни удивления. А вот убийц нам все-таки видеть приходится не так часто, их просто не могут ни поймать, ни судить, они как бы неуловимы.

Симпатичный был парень, эрудированный, начитанный, историк по образованию. Все время читал исторические романы, а я ему предлагала помочь поступить в аспирантуру. Он отказывался и мечтал найти работу где-нибудь в лесничестве. И наконец нашел вакансию где-то в Ярославской области и поселился в затерянном в лесу охотничьем домике.

Пережив семейную драму или какой-то разлад души, человек порой пытается спастись где-нибудь вдали от цивилизации, в уединении. Как-то “Комсомольская правда” рассказала о москвичке, которая прожила пять лет в Сибири, в тайге, на заимке, залечивая свои душевные раны.

Может быть, и наш герой пытался спастись от душевного кризиса в лесничестве, вдали от друзей и близких, — думала я. Но тут-то было совсем другое. В лесничество он устроился, чтобы затеряться на время и там вынашивал планы бандитских набегов на московские магазины и банки.

А потом мы узнали, что он с группой бандитов напал на инкассатора в магазине “Молодежный”, убил несколько человек, а потом и его убили. Первая мысль — такая нелепая, которая пришла в голову: “А мы ведь с ним сидели на одном стуле”.

Мне всегда как-то было неловко просить его сделать какую-то техническую работу, хотя он был моим помощником. (Дозвониться автору, “почистить работу” — проверить цитаты, подклеить грязные места, времена были еще докомпьютерные, и вся правка в рукописи перепечатывалась заново, а потом клеивалась.) Казалось, он способен на что-то большее.

Вот так. Мать у него была завучем в какой-то элитной спецшколе, отец — инженер, а сын убийца.

Что это — раздвоение личности? Один — нормальный, а другой — преступник? Или так умело притворялся? Он жил как бы в двух мирах. Где-то он добился немалых успехов, а в его голове ни на минуту не прекращалась жестокая борьба и вторая ипостась, жаждущая убивать и наслаждающаяся насильем, нет-нет да и брала вверх. В эти минуты нормальный человек превращался в маньяка. Хладнокровный и расчетливый, жаждущий власти манипулятор?

А потом начала вспоминать его слова, высказывания, поступки, пытаюсь найти в них намек на будущее преступление.

В памяти всплыл его конфликт с редактором отдела, когда Павел, так его звали, попытался показать, что тот недостаточно квалифицирован, грамотен. Какой-то злобный мстительный блеск увидела в его глазах, отразивший черноту души. Но это была одна секунда. А потом он как бы взял себя в руки, и уже читалась покорность во взгляде. Или его откровенное осуждение “карьерных устремлений”, как он выражался, матери, которая хотела сделать свою школу лучшей в городе, или ироническое отношение к отцу, у которого дома — экспериментальная мастерская по изготовлению самоделок, “тоже мне Кулибин XX века”. Но все это какая-то ерунда, которой можно было бы пренебречь, если бы он не совершил убийство. Так что же побудило его ко злу? Каким он был на самом деле?

Самолюбивый, жестокий авантюрист, жаждущий приключений и преклонения, признания своих сверхталантов. Познакомившись с асоциальной группой, такие ребята сразу принимают ее законы и с удовольствием включают в противоправную деятельность. В правонарушениях их привлекает прежде всего риск, пьянящее чувство опасности. Они любят участвовать в рискованном “деле”, удовлетворяя свое стремление к приключениям, авантюрам, желание ощущать себя героем среди своих друзей.

Чувствовалось, что мать боится каких-то проявлений его характера. Звонила часто, расспрашивала, как Павлу работает, как к нему относятся, довольны ли его работой. Такая, в общем-то, заботливая мать, хороший специалист, умная женщина.

И так как это не кино, а настоящая жизнь, то необходимо найти ответ на вопрос, откуда они все-таки берутся, монстры? Литература может дать уклончивый ответ на этот вопрос, но педагогика должна ответить прямо — где, в чем причина, кто виноват, иначе нет смысла в ее функционировании. Вопросов много, но следует честно сказать себе, что проблема столь сложна и серьезна, что рискуешь не получить ответ даже на собственный вопрос. Однако есть

спасительная максима: “Вопрос мудрее ответа”. Вовремя поставленный вопрос сам по себе уже есть ответ.

У этой истории есть продолжение. Я встретила с ней случайно, в вагоне метро, наверное, через год после случившегося. Трудно было узнать в пожилой, небрежно одетой женщине еще совсем недавно такую современную и преуспевающую мать Павла. Я не хотела ее смущать и сделала вид, что не заметила. Но она сама подошла ко мне и сказала, что хочет поговорить. Мы вышли из вагона и сели на скамейку, и она... заплакала, потом стала оправдываться, а потом сказала, что сама во всем виновата — упустила, слишком занята была собой, работой, чужими детьми. Рыдания душили ее. Я старалась успокоить, закрыть от любопытных глаз, но все-таки не могла не задать вопрос — было ли что-то в характере Павла настораживающее, необычное?

— Я все время об этом думаю. Да, было, — теперь я так считаю, — но раньше я, даже имея психологическое образование, не могла сказать себе правду — что в характере его есть какие-то отклонения от нормы. Он с детства был очень скрытным ребенком, невероятно честолюбивым и властным. Младшего брата буквально третировал — за его неаккуратность, несобранность, за тройки, которые тот получал. Он, в отличие от Павла, совсем другой — мягкий, добрый, общительный. Но в Павлике было и много хорошего. Он любил историю, много знал, был очень активным членом отряда “Поиск”, аккуратный такой был, дисциплинированный. Коллекционировал оружие, правда мне это увлечение не нравилось. Любил играть в войну. Но жестокий он был с детства, — вдруг резко сказала она. — Была какая-то нетерпимость у него к слабости.

— А в чем это проявлялось?

— Сосед у нас был — мальчик, отличник. Чуть младше Павлика, он его не раз избивал, и я ничего не могла поделать. Бил жестоко, родители даже хотели в милицию заявить, но я упростила. Говорила с Павликом, убеждала, но ненависть его к соседу не могла погасить. Мальчик, кстати, был умный, математиком стал, в Силиконовой долине работает. Павлик был сдержан, но в ярости он мог убить человека. Особенно если выпьет. Я пыталась бороться с этим, но безуспешно. И еще какая-то гордыня была в нем непомерная. Если у него что-то не получалось, если не достигал цели, то на него накатывало. Это было всегда. Если кто игрушку не даст или что-то не получается, кто-то обидит его, а он не смог отомстить или дать сдачи, ярости его не было предела. В такие моменты я очень боялась за него. Он мог наброситься на жертву. Но вот убить инкассатора-женщину, вынашивать преступление месяцами — это у меня в голове не укладывается. Какое-то помутнение сознания. Ночами не сплю и все думаю, как, в какие минуты могла зародиться у него в голове такая чудовищная идея. Что побудило взяться за оружие? Хотя оно было рядом. И может быть, это послужило толчком.

Я пыталась бороться с агрессией, сурово наказывала за драки, поощряла любое проявление отзывчивости, добрых чувств, взяла в дом собаку, кошку, пыталась с самого раннего детства заместить агрессию добрыми поступками, но ничего не получалось. От судьбы, а может быть, от характера, данного природой, никуда не уйдешь, — сказала она. И в словах ее было столько горечи и убежденности, что мне стало страшно. Неужели качества личности, потенциальная структура будущего “я” заложены в человеке с самого начала?

Заглянем в “Окна”...

Чтобы просветить бедный советский народ, теперь уже российский, по части секса (“в СССР секса не было” — это уже стало клише), а вернее в коммерческих целях — наше телевидение, не щадя общественную нравственность, предложило заглянуть в “Окна”, где живут “больные с сексуальными расстройствами”. Сдирая с эротики покрывало интимности ради повышения рейтинга передач, ТВ превращает эротику в “искусство” подсматривания, делаю ее вульгарной и извращенной. Да простит мне читатель этот не имеющий к теме невольный пассаж. Но если уж так интересуется клиника, может быть, полезнее обратить свои взоры на более традиционные вещи, как это сделала в своих заметках учительница Э. Горюхина, увидев отклонения в человеческом характере, выявить “специфический профиль личности”, свойственный плохо адаптированным людям, который приводит в дальнейшем

к убийствам, грабежам, пьянству, наркомании. Или просто к личностному неблагополучию. Но тогда под сомнение будет поставлена гениальность Дмитрия Нагиева и его коллег, их буйная фантазия и смелость ведущих и создателей таких скандальных передач, как “Окна”, “Дом”, “Каникулы в Мексике”.

Психолог Горюхина заглянула в “Окна” реабилитационного центра “Вдохновение”, что находится в селе Никольском Московской области, куда помещают мальчиков с трудной судьбой. Увидела детей с искривленными характерами, которые привели их к асоциальному поведению. Это особого рода учреждение, где возвращают детей к норме не только с помощью нейролептиков, но обращаясь к духовным и физическим силам ребенка. “Вдохновение” – детище отца Ильи, священника местной церкви.

Оскорбление или причинение боли порождает ответную реакцию, вызванную жадой отомстить. Действует принцип “око за око, зуб за зуб”. И это подтверждено многочисленными экспериментами и на животных, и на людях.

Если ребенка расписают от ярости, мы должны дать ему возможность спустить пары. Но как уменьшить агрессию? Как научить давать выход своему гневу неагрессивными способами?

– Батюшка Илья снимает агрессию. – рассказывает Горюхина, – погружая ребенка в мир, где не повышают голоса, где бьющую руку норовят поцеловать, где учат самому главному в жизни – умению уступить.

И еще. Если мы хотим мира, нам необходимо формировать и поощрять отзывчивость и стремление к сотрудничеству с раннего возраста.

Родителям надо учиться добиваться дисциплины без применения насилия. Вот один из приемов, который предлагает американский психолог Дэвид Майерс из штата Мичиган. Используйте позитивные формулировки (“Когда закончишь уборку своей комнаты, пойдешь играть”) вместо негативных (“Если не убережешь комнату, я сравняю тебя с землей”). Реализация одной такой программы замещения агрессии снизила количество повторных задержаний юных правонарушителей и членов подростковых банд.

Подростков и их родителей обучали навыкам общения, эмоциональному самоконтролю, повышая уровень их рассуждений о нравственности, и это дало реальные результаты.

И коль скоро мы не можем ничего поделать с нашим телевидением, для которого показ сцен насилия, убийств – это возможность получения сверхприбыли, и нам отказано в праве хоть как-то влиять на него, так давайте, чтобы окончательно не изувечили наших детей, займемся профилактикой. Будем говорить с ними о том, что ТВ отражает не реальный мир, а изображает окружающую действительность искаженно, что в жизни все-таки убивают не каждую секунду, что нормальных людей большинство, что агрессия и насилие – это исключение из правил.

Когда американским детям из штата Иллинойс стали рассказывать о том, что в жизни нет такой концентрации преступности, что ТВ сгущает краски, что агрессивное поведение осуждается, то результат не замедлил сказаться. Дети, с которыми разговаривали на эти темы, оказались меньше подвержены влиянию сцен насилия, чем те, с которыми не вели предварительные беседы.

На Ямайке в 1974 году была осуществлена программа борьбы с преступностью, включавшая установление строгой цензуры на телевидении и в кинематографе, которая ограничивала показ сцен с применением оружия. Уже в следующем году количество краж уменьшилось на 25%, количество выстрелов без смертельного исхода на 37%. В Швеции был прекращен выпуск военных игрушек. Служба информации Швеции еще в 80-е годы сформулировала национальную политику следующим образом: “Игра в войну учит решать споры насильственным путем”. Конечно, это лишь слабая попытка в комплексе мер снижения агрессии.

К сожалению, мы не можем разделить оптимизм Эндрю Карнеги, который еще в 1900 году писал, что в двадцатом веке “человекоубийство будет считаться столь же отвратительным, сколь отвратительным кажется нам сегодня каннибализм”. С тех пор как он произнес эти слова, было убито около 200 миллионов человек.

“Есть печальная ирония в том, что, хотя сегодня мы понимаем природу человеческой агрессии лучше, чем когда-либо, – пишет Дэвид Майерс, – человеческая бесчеловечность едва ли уменьшилась”.

Мать и дочь

Дочь моих друзей была очень трудной девочкой. Звали ее Глаша. Редкое имя. Оно очень нравилось родителям и совсем не нравилось девочке. И во дворе, и в классе подшучивали, придумывали дразнилки типа “Глафира из кефира”. А так как она действительно “сидела” на кефире – страшно боялась поправиться, то это все портило настроение, задевало больное самолюбие, а потом начинались упреки в адрес родителей за нестандартное имя.

Глаша училась отлично, занимала первые места на всевозможных олимпиадах, много читала и ни с кем не дружила. Если собирались всей семьей в гости, театр, кино, музей – в последний момент отказывалась идти. Родители уходили, а она оставалась одна. Испортив всем настроение, разрушив все планы. И никто не мог понять, что это было. Каприз, упрямство, а может быть, желание побыть одной – отдохнуть, сказывалась психическая усталость.

Периоды веселья, высокой работоспособности сменяются спадами активности, жалобами на здоровье, снижением настроения.

Все время стремилась во всем быть первой, самой красивой и самой умной. В школе без конца бегала с четвертого этажа на первый, чтобы посмотреть в зеркало, как выглядит. Если кто-нибудь один день не похвалит ее внешность или способности – настроение портилось.

Нельзя сказать, что родители выжимали из нее “последние соки”, как часто бывает в таких случаях. Совсем нет, и тем не менее противоречие между требованиями родителей, – они могут быть не прямо высказаны, но ощущаются подспудно, – и своими возможностями приводят к страху не соответствовать ожиданиям, “быть не тем”, кто принят и уважаем.

Этот внутриличностный конфликт лежит в основе развития неврастения. Что характерно для нее? Быстрая истощаемость психических процессов, повышенная раздражительность, замкнутость, частая смена настроения. Жаловалась на головную боль, боли в сердце, были признаки аллергии. Обращались к врачу, но ничего не находили.

Ребенок болен, но что-то в нем самом порождает болезнь. Причина психическая, следствие соматическое.

Но так как девочка была очень способная, на учебе это не сказывалось. Ну, не ходила в школу неделю, говорила, что плохо себя чувствует, а потом все проходило, и на это как-то не обращали внимания. Ну, не может же человек быть всегда готов, пусть когда-то и расслабится, отдохнет, – считали родители.

Но постоянное желание быть первой во всем, когда силенок мало, подорвало ее здоровье, сделало больной. Хотя при щадящем режиме все могло бы обойтись.

Мать рассказывает сон, который ей часто снился. Сон-пожар, все полыхает, а дочка не хочет вставать с кровати. “Я хватаю ее в охапку, она вырывается, и мы бежим из дома, к которому уже приближается огонь”.

Эмоциональное перенапряжение, неадекватное реагирование на поступки и слова окружающих оставляет отпечаток на всем духовном складе, провоцируют агрессию. Меняется характер и личность в целом.

За всеми этими тревогами и заботами о себе девочка не чувствовала, что происходит в доме, в семье, – заботы матери, болезни бабушки, неприятности на службе отца.

Так как я с этой семьей была в очень близких отношениях, дружили домами, то я фактически была свидетелем многих ее поступков. И все как будто было в пределах нормы. Но вот один ее поступок меня не просто удивил, а заставил задуматься – что творится в душе девочки.

В класс, где училась дочка моих друзей, пришла новенькая. И сразу стала лидером. Красивая, умная, отлично училась и в то же время далеко “не пинька”. Она как будто решила создать новый образ отличницы – смелой, умной и дерзкой. И мальчишки, и девчонки – все готовы были ей подчиняться, попались на ее обаяние, хоть и с отрицательным знаком. Глаша не могла выдержать подобного соревнования, возненавидела новенькую с первой минуты. И тут новенькая зарвалась, решив, что ей все дозволено.

С очередного урока военного дела она увела всех ребят в кино. Одна Глаша в кино не пошла, а скиталась по школе в поисках какого-либо занятия.

На педсовете было принято решение – новенькую из школы исключить.

У Глаши, когда рассказывала мне об этой истории, глаза горели праведным гневом, но не потому что сорвали урок у старенького учителя и у него случился сердечный приступ, а потому что наконец-то избавилась от соперницы.

“Если бы вы видели, как она унижалась, как просила ее простить. Такая жалкая была, уродливая”, – рассказывала Глаша, и в голосе ее было столько превосходства и презрения.

Я только и решила сказать: “Лежачего не бьют...”

В поведении Глаши для родителей было достаточностораживающих моментов, но даже умные, заботливые родители порой упускают какие-то явные отклонения от нормы, считая, что с возрастом все образуется.

Если физическое нездоровье нас беспокоит, то с психическим неблагополучием мы редко обращаемся к врачу, а оно имеет тенденцию накапливаться, меняет характер человека настолько, что в дальнейшем он не может социализироваться, т. е. нормально жить и работать.

Такому подростку трудно адаптироваться, строить свои отношения с близкими и друзьями. Жизнь ведь тоже не щадит и по-разному складывается. И редко бывает безоблачной. А чаще всего обстоятельства подталкивают к развитию теперь уже болезни, а у таких личностей чаще всего в силу их характера особенно трудно складывается жизнь. Так что, получается замкнутый круг.

Шли годы. Как будто дух разрушения вселился в нее, а может быть, так проявляются задатки неординарной судьбы. Бросила театральный институт, куда прошла по конкурсу, и все считали ее счастливицей, ушла из уютного дома и жила где-то зимой в дачном поселке, куда от электрички надо было добираться минут 30 по безлюдной дороге, порвала с парнем, с которым дружила с детства и за которого собиралась выйти замуж. И все навело на мысль: в жизни бывают ошибки, исправить которые уже невозможно.

Пропадала на неделю, а то и больше, и не звонила, а потом оказывалось, что уезжала в другой город, путешествовала автостопом, “познавая жизнь, какая она есть на самом деле”. И хотя тогда были другие времена и другие нравы, и бандитов было меньше или мы просто о них ничего не знали, но все равно материнское сердце было в вечной тревоге, в страхе, беспокойстве, где она, жива ли, что еще выкинет. Сначала мать ждала терпеливо, потом не выдерживала и начинала обзывать всех знакомых, расспрашивать, кто и когда ее видел в последний раз. Все это потом “добрыми” людьми передавалось Глаше, да еще в утрированном виде. Отношения накалялись до предела.

Известный математик Дмитрий Воеводский, вспоминая о своей юности, рассказывал, сколько страхов натерпелось его родители, когда он автостопом, никому ничего не говоря, отправлялся с приятелями в Ленинград. Возвращался и ни слова упрека, а только голодного и уставшего кормили бульоном и улыбались счастливо, радуясь встрече.

И только когда у него появились две свои дочери и когда они подросли, он понял, что переживали родители во время его отлучек и какой ценой давались эти улыбки.

К сожалению, Глаше не дано было осознать, чем могли кончиться для родителей такие ее выходки. Это была свобода от всего и всех, на которую, как она считала, имеет право, свобода от обязанностей, долга, любви, жалости по отношению к самым близким людям.

Зачерствевшее сердце не способно было осознать чужую боль, поставить себя на место другого, ни тогда, ни потом. Усвоила роль эдакого прокурора, обвинителя. Родителей обвиняла буквально во всем, по любому поводу. И никогда себя.

Велика сила материнской любви! Разве чужому можно простить хоть сотую долю того, что выдерживали эти родители.

Я всегда пожалалась, откуда берется такое терпение, черпаются такие запасы любви – не обижались, все прощали, пытались найти объяснение, но не оправдание, всем ее неблагоприятным поступкам.

Прошло еще несколько лет. Отношения в семье были по-прежнему напряженными. Глаша вышла замуж, родила двоих детей. Муж был художником, зарабатывал мало, жил где-то в мастерской, дома появлялся раз в неделю, детьми тоже не очень занимался. Все легло на плечи подруги. Деньги, которые зарабатывали бабушка и дедушка, шли в молодую семью, а сами они едва сводили концы с концами, жили на крохотные пенсии. Но все было мало –

никогда никакой благодарности от дочери, одни упреки – не то купила, не то сказала, не то сделала.

Подруга моя, умная и редкого душевного обаяния человек, как-то попросила меня робко, извиняющимся голосом: “А ты бы сказала дочке что-нибудь хорошее про меня”. “Что, например?” – удивилась я. “Ну как относятся ко мне студенты. Что уважают и любят не только как хорошего педагога, но им интересно со мной общаться. Звонят без конца, приходят, рассказывают о всех своих творческих планах, делятся переживаниями, просят совета...”

А в прошлом году произошел в этой семье конфликт, который перерос в неразрешимый. Глафиру пригласили в труппу какого-то провинциального театра, чуть ли не на Дальнем Востоке. Контракт заключался не на 2 месяца, а на 2 года. Моя подруга должна была остаться с двумя маленькими внуками, бросить любимую работу.

Но она отказалась это сделать.

Понимала, что детям без матери будет очень плохо, даже если рядом заботливая и любящая бабушка. Отец детей был тоже против отъезда и переселиться на Дальний Восток не собирался. Все понимали, что семья рухнет, что дети останутся без отца и без матери.

А кроме того, сцена требует здоровья, энергетики, которая зажигает зал. А этого как раз у Глаши не было.

Чем же кончилась наша история? Глаша в театр на краю света не поехала, сорвались все ее планы, и вот уже год она не разговаривает с родителями, не подпускает внуков к телефону.

Мои попытки, на правах близкого друга семьи, помирить оказались безуспешными. Глаша непреклонна. Считает, что родители эгоисты, мать все это сделала из ревности и зависти, и ее жизнь теперь никогда не пересечется с родительской.

Как-то журнал Elle, считая это новым словом в понимании психологии родителей и детей, хотя здесь явно слышится старый фрейдистский мотив, напечатал огромную подборку высказываний дочек о матерях под броским заголовком “Не завидуй мне, мама!”.

Чтобы не быть голословной, приведу несколько примеров:

“... когда мы встречаемся, я готовлюсь к тому, чтобы потом болеть, вспоминая ее слова и тон”.

“... Чего бы это ни касалось, я должна была запомнить: в жизни мне предстоит только терпеть. “А что ты хочешь. Это жизнь”, – так и слышу мамин голос. Вспоминаю его сейчас, я улавливаю злорадство”.

“... я никогда не просила ее что-то мне купить. Я знала, как раздражал ее мой вечный свитер. Но он был моим знаменем независимости”.

“... Мама постоянно высмеивает мои успехи на работе, хотя сама так и не имела никакого профессионального роста”.

“... Когда я забеременела, я сказала моему мужу: “Об этом не должна знать моя мама”. Не знаю, почему я это сделала, но это было требование инстинкта – сохранить ребенка. Я боялась собственной матери и боюсь до сих пор”.

А далее комментарии психолога. “Так мать верит, что желает дочери добра, всеми силами разлучая ее с любимым человеком, вместо того, чтобы признать самой себе, что завидует ее счастью. Она перестает совсем сочувствовать дочери, стимулируя самые древние проявления зависти – желание зла”.

Возможна ли зависть матери к дочери? Наверное, возможна. Она есть, как и зависть дочери к матери. Но все-таки это редчайшее исключение. Хотя психолог пытался увидеть в нем современную тенденцию, явление, у которого достаточно значительный размах.

А мне слышится в этих высказываниях скорее просьба о помощи. Эти дочки, полные неудовлетворенности от собственной жизни, пытаются найти в матери “козла отпущения”. Это своего рода психологическая защита, когда искаженное восприятие проецирует на близкого человека свои переживания, считая его виновником всех своих бед. Это тот самый случай, когда мы стараемся себя оправдать, выискивая в другом плохие качества.

В погоне за сенсацией, отвечая на потребности обывателя, жаждущего чего-нибудь “жареного”, нашими доморожденными психоаналитиками создается миф о соперничестве между дочерью и матерью, вбивается клин между самыми близкими людьми.

С легкой руки Фрейда мы выискиваем причины наших неудач в далеком детстве, виним во всем родителей, но отнюдь не себя – взрослых детей, которые уже сами стали родителями.

Подобное отношение к матери – признак какого-то душевного неблагополучия, говорит о невротическом состоянии личности, агрессивности, вымещаемой на самом близком человеке.

Любая фрустрация – т. е. несбывшиеся ожидания, личное оскорбление или физическая боль может привести к эмоциональному срыву. Даже мучительное депрессивное состояние повышает вероятность проявления агрессивности.

Слушая подругу, вспоминая многие моменты жизни, анализируя поступки Глаши, я пыталась решить для себя вопрос: больная она или это проявления дурного характера. И каждый раз думала, ну не может здоровый человек из нормальной семьи так себя вести, быть таким неблагодарным, жестоким, эгоистичным. На добро отвечать злом.

Но ведь “еще не вечер”, как говорят часто в последнее время. Может быть, что-то изменится в этой семье. Мужество и надежда не должны покидать нас, пока мы живы. Родителей не выбирают, но и детей тоже.

Яблоко от яблони...

Наследственность, которой до революции придавали слишком большое значение и которую в советские времена совсем как бы отбросили, сегодня, когда мы с ней не считаемся, может сыграть с нами злую шутку. В общем, требует, чтобы мы с ней считались и уделяли ей должное внимание.

Я узнала об этой трагедии, когда бабушка написала письмо в редакцию с просьбой помочь устроить несовершеннолетнюю внучку на лечение к хорошему наркологу. Если можно, бесплатно.

...В редакцию пришла немолодая женщина, с тонким интеллигентным мягким лицом, немного смущенная. В комнате было много народа, а история совсем не для публичного обсуждения. И рассказала мне о своей жизни.

Она заведовала большой лабораторией, муж – достаточно известный авиаконструктор, лауреат Государственной премии, а сын – учиться не хотел. Его и не неволили, видели, что учеба дается с трудом. Устроили в ПТУ, потом пошел работать на автобазу, а потом спился.

“Но он совсем не плохой, добрый, меня очень любит, даже стихи мне посвящал”. И она прочитала какие-то наивные строчки, заблуждаясь и гордясь, как может гордиться сыном только родная мать. Оказалось, сын был приемный. Взяли его из детского дома в грудном возрасте от родителей-алкоголиков, и ребенок нес в себе “алкогольные гены”.

Приемные родители что только ни делали, как только ни лечили – и любовью, и строгостью, и современными медикаментозными средствами, и народными методами ничего не помогало. Когда пьяного сына приносили к порогу квартиры и бросали бесчувственного, полумертвого у двери – выдержать это было просто невозможно.

– А он не догадывается, что вы ему не родные? – спросила я. – Может быть, узнав правду, он почувствует благодарность за ваше бескорыстное отношение к нему. И это перевернет его сознание?

– Нет, – твердо ответила она. – Мы ведь были и строги, и суровы с ним – разными путями пытались бороться с этой губительной наследственностью. И он может истолковать все по-своему. Это может стать для него губительной информацией. Ничего нельзя сделать. К кому только я ни обращалась, сколько денег это стоило, вы даже представить не можете. И когда я пытаюсь у целителей получить ответ, почему же они не могут помочь ему, они отвечают, что он попадает в те 5–6%, которые не поддаются лечению. Но теперь я пришла по поводу внучки. Такая была чудесная девочка, красивая, и голос хороший, я ее возила в ансамбль Локтева, потом в художественную школу, ушла даже с работы, чтобы больше внимания ей уделять, но наследственность опять победила. Не только отец алкоголик, но и мать пьяница, и девочка стала наркоманкой. Все хорошее куда-то ушло, теперь уносит вещи из дома, спит с кем попало, лишь бы деньги достать на дозу.

Вот такая ужасная история, далекая от оптимистических картин, рекламирующих патентованные средства от алкоголизма и наркомании и клиники, где за огромные деньги “излечивают” от этих недугов.

Запой у сына с каждым годом становились все страшнее. И лечили, и устрашали, и в конце концов не выдержали – оставили его, и уехали за границу, чтобы самим не умереть от этой кошмарной жизни.

А недавно, в последних известиях, прошла информация, что их квартира сгорела и сын заживо сгорел в ней, а потом из далекой Америки пришло письмо от этой несчастной женщины, в котором она рассказала о случившейся трагедии и обвиняла себя в том, что оставила больного сына, зная, чем все это может закончиться.

Я не хотела бы, чтобы меня поняли превратно, что я против усыновления. В одной из моих статей я рассказала об американке, удочерившей совсем больного ребенка с тяжелой патологией. Но она это сделала с открытыми глазами, зная, что может ожидать ее в будущем. Героиня же нашего рассказа считала, что воспитание всесильно. И я так думала до недавнего времени. Народная мудрость гласит, что яблоко от яблони недалеко падает, т. е. переходя на язык современный – гены, наследственность определяют во многом судьбу человека.

Нет методов, гарантирующих успех, нет раз и навсегда найденных правил. И всё-таки педагогика – это не кораблик без руля и ветрил, есть законы, выполнение которых обязательно, есть истины, которые вечны, есть правила, которые нельзя нарушать.

* * *

Рассказывая о трудных судьбах трудных детей, известный советский педагог В. А. Сухомлинский, ныне почти забытый, писал: «Только ласка является той чудодейственной духовной силой, которая способна уберечь человеческое сердце от огрубления и озлобления, от жестокости и равнодушия, от бессердечно-тупого отношения к тончайшим прикосновениям к сердцу и прежде всего к доброму, сердечному слову».

Так что давайте почаще вспоминать слова педагога, в которых заключена глубочайшая правда, касающаяся всех нас, и тогда, возможно, мы сумеем выжить в мире, где злоба, ненависть и жестокость пустили свои глубокие корни.